

Военная история

К. Б. Жучков

Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г.

В большинстве работ на тему «Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г.» обычно ведется рассказ о псковичах, участниках Отечественной войны.¹ Между тем, с нашей точки зрения, необходимо хотя бы кратко рассказать о жизни собственно губернии в 1812 году: что делали власти, как существовали жители губернии, оказавшейся в прифронтовой полосе. Ведь Псковская губерния была объявлена на военном положении и оставалась в нем (в числе всего трех великорусских губерний) даже тогда, когда война 1812 г. была окончена и военные действия перенесли далеко на запад. Настоящее сообщение не является научным в строгом смысле этого слова: в нем не выдвигается собственно никакой научной гипотезы и не доказывается какая-либо научная версия. Это просто попытка рассказать о жизни губернии в 1812 г. и вкладе псковичей в победу над Наполеоном согласно архивным документам.

В нашем коротком сообщении невозможно описать даже вскользь всех сторон жизни губернии в 1812 г., ведь только в ГАПО отложилось не менее 200 архивных дел, в той или иной мере касающихся деятельности жителей и губернских властей в незабвенную эпоху 1812 года. Подробное изучение этой темы еще ждет своего исследователя. Опускаю многие, может быть более значительные события и жертвы губернии в 1812 г., мы остановимся лишь на некоторых из них.

Прежде всего, мы опускаем эпизод с формированием псковского ополчения. Во-

первых, потому, что он частично освещен в предыдущих работах, указанных в примечаниях к настоящей статье. А во-вторых, по той причине, что формирование ополчения в Псковской губернии не привело ни к каким результатам, за исключением того, что выбранные в ополчение дворяне привлекались для несения службы по сопровождению проходивших через губернию войск. Хотя псковское ополчение начало формироваться по Манифесту 6 июля 1812 г, однако, пунктом 4-м Манифеста от 18 июля 1812 г. Псковская губерния была отнесена к «недействующим», т. е. «внеполчающимся» губерниям.²

Выход этого Манифеста в самый разгар «ополченческой» кампании в губернии привел губернских чиновников в замешательство, тем более, что никаких разъяснений по этому пункту не было. Последовала длительная переписка губернских чиновников с правительством, в ходе которой они пытались выяснить, как поступить с набранными командами.³ Однако никаких вразумительных предложений столичные чиновники дать не смогли. В результате ополчение осталось только на бумаге, и в действительности оно не было сформировано физически, т. е. в виде собранных команд крестьян во главе с дворянскими командирами.⁴

Т.к. боевые действия на территории губернии не проходили, то основная тяжесть войны легла на нее в виде усиления прежних и появления новых повинностей и пожертвований. А поскольку губерния являлась прифронтовой, то эта тяжесть выразилась в снабжении действующей армии и многочисленных резервных и запасных войск, двигав-

Жучков Константин Борисович - кандидат исторических наук (г. Псков)

шихся в армию, в том числе и в обеспечении разнообразных потребностей проходящих войск.

Что касается пожертвований и повинностей, то прием первых был инициирован правительством еще 18 декабря 1811 г., когда Высочайшим указом предписывалось вносить пожертвования только в виде необходимых для армии вещей, перечень которых этот указ и предоставлял (как-то: витишкеты, сукна, холсты, тесьмы, гамзы, полотна, подошвы, равендуки, темляки, перевязи, ремни, чехлы, пуговицы, петли и т. д.).⁵ В марте 1812 г., для установления единообразия пожертвований был введен преysкурант, согласно которому пожертвователи вносили не собственно вещи, а эквивалентную сумму деньгами (например: шнурок - 0.02 руб., кивер - 2.80 руб., султан - 0.40 руб., сукно от 1.85 до 3.75 руб. за аршин в зависимости от качества, медный котел с цепью - 13.45, лосины - 12.09^{1/2} руб., кирасирское седло с прибором - 29.90 руб., артиллерийское седло с хомутом - 38.54^{3/4} руб.).⁶

Указ подразумевал этот вид жертвования для торговой части населения губернии, т. е. купцов и мещан, а его реализация активно осуществлялась в мае-июне 1812 г. Так, 15 мая члены Порховской городской думы пожертвовали в общей сложности 200 руб., 17 мая члены Печерской ратуши - 37 руб., а 28 мая члены Великолукской городской думы - 150 руб.⁷ Поскольку эти категории населения должны были нести и другие повинности, то данный вид жертвования особо выдающихся результатов не дал. Так, за всю войну Великолукская городская дума смогла собрать «только» 539.75 руб.⁸

Другим, более важным видом жертвования, инициированным правительством, были поставки хлеба, скота, фуража и подвод. 21 июня (опять же еще до начала войны!) Александр I в рескрипте виленскому генерал-губернатору А. М. Римскому-Корсакову предписал собрать необходимые сведения о возможности жертвований с крестьян, исходя из их численности согласно последней ревизии.⁹ В 7-м и 11-м пунктах рескрипта указывалось, что А. М. Римский-Корсаков обязан предоставить эти данные и о близлежащих губерниях. 28 июня А. М. Рим-

ский-Корсаков сделал предписание псковскому гражданскому губернатору П. И. Шаховскому, в котором потребовал предоставить интересующие его сведения и вместе с тем начать реализацию «благотворительного» проекта императора.

Псковское губернское начальство принялось за дело. Согласно последней – 6-ой – ревизии в Псковской губернии числилось 310153 душ мужского пола помещичьих, экономических и удельных крестьян, а также, по всем уездам, включая г. Псков, - 6921 мещанин.¹⁰ Согласно этой численности, с разбивкой по уездам, псковское крестьянство «должно было» добровольно пожертвовать 3101 голов крупного рогатого скота и 15605 подвод с возчиками и лошадьми.¹¹ Кроме того, мещане, со своей стороны, «должны были» выставить 69 быков и 349 подвод.¹² Вместе с тем, крестьяне должны были жертвовать в сельские запасные магазины муку, крупу, овес и ячмень. Сбор этих жертвований в натуральном виде шел если и не очень быстро, то, по крайней мере, весьма продуктивно. 22 августа по всей губернии крестьянами было сдано 28195 четв. муки, 1768 четв. круп, 16760 четв. овса, 693 быка и 7027 руб. деньгами.¹³ В этом же деле ГАПО имеются сводные ведомости по поставкам хлеба, фуража и скота по всем без исключения уездам за весь 1812 г.¹⁴ Так, например, Порховское крестьянство в 1812 г. пожертвовало 4245 четв. муки, 5993 четв. овса, 365 четв. Круп, 480 быков, 2261 тулуп и 20 лошадей.¹⁵

В целом, что касается сдачи «благотворительного» хлеба, дело обстояло весьма благополучно. Труднее было с поставками подвод, и именно подводное жертвование оказалось наиболее тяжким бременем для псковского крестьянства. 15605 подвод, могущих быть выставленными в благотворительном порядке крестьянами и помещиками, с точки зрения властей было недостаточно. Поэтому правительство и здесь озаботилось взять инициативу в свои руки.

Еще 19 июня (опять-таки до начала войны!) под предлогом вывоза пороха из крепости Динабург в Новгород рескриптом на имя военного министра М. Б. Барклая де Толли было предписано организовать в уездах Псковской губернии подводные станции.¹⁶ Во

всех уездах создавалось по три-четыре таких станции, на каждой из которых необходимо было выставить по 5 тыс. подвод с возчиками и лошадьми. Но поскольку время прибытия конвоев из Динабурга было неизвестно, а по 5 тыс. лошадей с людьми на станциях кормить было нечем, то в предписанный недельный срок выполнить это указание оказалось невозможно. Кроме того, численность необходимых лошадей на станциях была сильно завышена.

Так, 28 июня Опочецкий уездный предводитель дворянства Никифор Елагин сообщал псковскому вице-губернатору Х. П. Ренненкампу о том, что при наличии мужских крестьянских душ в Опочечком уезде в количестве 37430 чел. и при квоте «одна подвода с трех душ», уезд вместо затребованных 20 тыс. может выставить только 10230 лошадей. Но и тех на станциях содержать невозможно, поэтому возчики распушены по домам впредь до особого распоряжения.¹⁷ То же самое сообщал 7 июля Порховский уездный предводитель дворянства Бороздин: неизвестен срок перевозок и количество потребных подвод, поэтому, из-за отсутствия снабжения возчики распушены.¹⁸

Губернская власть на том и порешила: выставлять подводы на станции в срок и по мере надобности, что несколько снизило нагрузку на уезды, тем более в страдную пору. Выставлять подводы стали по конкретным требованиям, которых со временем становилось все больше, а подводы делали, как правило, большое плечо до пунктов доставки. 8 июля Новоржевский нижний земский суд сообщал, что из уезда отправлено 1882 подводы в Динабург, 600 подвод для перевозки раненых и госпитального имущества, 2000 подвод для перевозки резервного батальона, а всего 4482 подводы.¹⁹ 25 июля для своза хлеба в запасные магазины каждая станция выставляла по 1 тыс. подвод.²⁰

Из отчета Островского нижнего земского суда от 5 августа видно, что уезд выставил 150 подвод для резервного эскадрона, 587 - для резервного гвардейского батальона из Холма, 700 - для резервного батальона из Пскова, 600 - для перевозки сухарей в запасной магазин в Себеж, 1600 - для перевозки раненых и больных в Порхов, 2000 - для пе-

ревозки овса в армию П. Х. Витгенштейна, итого 5637 подвод.²¹ 13 августа Опочецкий нижний земский суд доносил, что отправил 1472 подводы для транспортировки резервной артиллерийской роты, 2600 - для снабжения магазина в Себеже, 2480 - в Остров и 400 подвод в Новоржев для госпиталя, всего 6952 подводы.²²

В книге «Псковский край в истории СССР» говорится, что псковичи в 1812 г. выставили 300 тыс. подвод.²³ На наш взгляд, эта цифра явно преувеличена: выставление такого количества означало бы, что все без исключения псковские крестьяне, от стара до млада, с подводами выехали из своих деревень. Однако такого произойти не могло. По нашим оценкам, псковское крестьянство выставило в 1812 г. не менее 60 тыс. подвод, что само по себе являлось чрезвычайной нагрузкой на народное хозяйство губернии и означало мобилизационную мощность более 10 %. Этот показатель выражает весьма напряженную работу губернии в условиях военного времени.

В действительности поставки подвод обескровили хозяйство губернии. Большая часть подвод не возвращалась обратно, а обращалась проходящими воинскими командами на другие нужды. Так, на 13 августа Опочецкому уезду не были возвращены 1892 подводы, на замену которых требовалось еще большее их количество для других нужд. Холмский уезд, например, должен был снабжать подводами транспортировку восьми резервных батальонов из Твери в Полоцк к П. Х. Витгенштейну, а Порховский, Новоржевский и Великолукский уезды вынуждены были отдавать подводы для прохода Новгородского и Санкт-Петербургского ополчений. Движение этих частей сопровождалось конфликтами военных с местными властями, поскольку за недостатком подвод военные насильно собирали их по деревням и не отпускали обратно домой. Так, только для перевозки 17-й и 18-й дружин Олонечких и Вотских стрелков генерал-майор И. И. Алексеев забрал на 28 ноября в общей сложности в Холмском уезде 6510 подвод.²⁴

Изъятие людей и тягловой силы из уездов грозило полным разорением как крестьянским, так и помещичьим хозяйствам.

Тем более, что опустошение деревень сопровождалось опустением и дворянских гнезд. 20 октября Порховский земский исправник Дмитрий Нартов сообщал П. И. Шаховскому, что невозможно найти сопровождающих транспорты, как это положено, из дворян, даже ополченческой службы, поскольку «1^е из числа здешних наличных дворян многие в сущей старости, коя обыкновенно сопряжена с дряхлостью и слабым здоровьем, 2^е другие, хотя в средних летах, но принуждены были как военную так и гражданскую службы оставить единственно за болезнями, от коих и ныне не свободны, 3^е некоторые из здешнего уезда в другие места выехали, 4^е прочие откомандированы к Вашему сиятельству, и к Его светлости графу Витгенштейну и в здешний земский суд».²⁵

Войска вынуждены были проходить без сопровождавших их чиновников, а во избежание каких-либо эксцессов воинское командование проходящих команд собирало в местах постоя расписки («квитанции») с крестьян, удостоверившие, что «обывателям обид налог и притеснения, как от господина генерал-майора Алексеева, так равно от прочих господ штаб, обер офицеров и нижних чинов не было и безденежно ничего не у кого не брато».²⁶ Поэтому Д. Нартов в своем письме испрашивал у П. И. Шаховского разрешение назначать в сопровождение воинских команд и обозов вместо дворян купцов и мещан.

Ввиду объявленного нового рекрутского набора (83-го) и оставления Псковской губернии на военном положении,²⁷ Псковский губернатор П. И. Шаховской пошел на отчаянный шаг. 17 декабря он обратился с просьбой к П. Х. Витгенштейну о ходатайстве перед императором об избавлении Псковской губернии от нового рекрутского набора. Главным аргументом П. И. Шаховского было то, что «множество тысяч подвод, выехав за границу губернии и поныне в дома свои не возвратились и неизвестно, где находятся, потом не малочисленные транспорты с хлебом и теперь отправляются, кроме подвижного магазейна за Себежем установленного, и при всем оном во всех уездах открылись болезни так что целыми селениями народ лежит и день от дня сие умножается, кроме лазаре-

тов, коими губерния мне вверенная наполнена».²⁸ Письмо находится в деле с входящими бумагами канцелярии П.Х.Витгенштейна за январь 1813 г. На документе стоит канцелярская помета о том, что «об избавлении Псковскую губернию от рекрутства донесено Светлейшему Князю Кутузову Смоленскому от 14-го Генваря 813-го». Показательно, что П. Х. Витгенштейн обратил эту просьбу М. И. Кутузову, который, с его точки зрения, мог ее представить императору. Однако каких-либо известных нам последствий это письмо П. И. Шаховского не имело.

В письме Шаховского наряду с транспортировкой недаром названа в качестве причины истощения населения и эпидемия тифа. Зимой 1812 г. губернское начальство столкнулось с этой проблемой с самой неожиданной стороны. Дело в том, что многочисленные французские военнопленные, захваченные русской армией в белорусских, и особенно в литовских губерниях, транспортировались во внутренние губернии, в том числе и в Псковскую.

8 декабря начальник Псковского гарнизонного батальона майор Элдерн сообщил П. И. Шаховскому, что партия военнопленных в 478 чел., вышедшая из Полоцка под конвоем отряда Новгородского ополчения во главе с лейтенантом Бухаровым, прибыла в Псков в количестве 98 чел., т.е. в дороге умерло 380 чел.²⁹ П. И. Шаховской приказал произвести расследование такой невероятной убыли людей, которая даже в суровых условиях войны казалась чрезмерной и неправдоподобной.

Однако на следующий день управляющий 2-м округом Внутренней стражи полковник Косаговский донес, что и в следующей партии военнопленных, сопровождаемой поручиком Лупандиным, из 566 чел. выжило только 160, в дороге умерло 406.³⁰ 11 декабря в Псков прибыли военнопленные 28-го полка конных шассеров фельдфебель - Георг Гангарт и 3-го вестфальского полка - унтер-офицер Альбинг, сообщившие, что в их партии из 380 чел. осталось в живых только 40.³¹ 14 декабря Тульского пехотного полка прапорщик Надточеев из 336 чел. привел в Псков живыми всего 86 чел.³² В следующей партии из 120 чел. в живых осталось только

семеро.³³ Наконец, прапорщик Новгородского ополчения Медведев, получивший для конвоирования в Вильно 621 чел., привел в Псков только 59 живых.³⁴

Для расследования обстоятельств конвоирования и причин чрезмерной убыли людей была привлечена псковская Уголовная палата. При подробном ознакомлении с финансовыми документами конвоев и условиями транспортировки пленным оказалось, что пленные исправно получали денежное пособие и винные порции, а в Опочке им было выдано даже 50 пар лаптей. Однако, 5 коп. в сутки на человека (нижнего чина) оказывалось недостаточно для пропитания. Кроме того, проход конвоев по губернии сопровождался невозможностью размещать людей на ночевки в теплых помещениях, поскольку местные власти и жители в городах и больших селах не пускали несчастных внутрь, а в маленьких деревнях жители и вовсе разбежались.³⁵

Главной причиной такого поведения властей и жителей была боязнь «заразных болезней», т. е. эпидемии. Больные пленные или заболевшие тифом уже в пути, конечно, оставались в госпиталях. Однако из-за отсутствия надлежащего ухода и лечения их и там умирало не меньше, чем в пути. Например, только в великолукском госпитале умерло 154 военнопленных.³⁶ В результате пленные, не имевшие теплой одежды, ночевавшие в

лучшем случае в неотапливаемых сараях, гибли от холода десятками за ночь. Поэтому ни к каким репрессивным последствиям расследование не привело. Больше того, по докладу Уголовной палаты, выжившие пленные наотрез отказались подавать какие-либо письменные жалобы на конвои и их начальников.

Дороги губернии от неприбранных тел погибших военнопленных были похожи на фронтовые. В условиях зимнего времени хоронить их не было возможности, и тела попросту присыпались снегом на обочинах. Только на дороге из Великих Лук в Псков должно было находиться не менее 2 тыс. непогребенных тел умерших в пути военнопленных. Тем не менее губернии в целом удалось, в том числе и за счет таких профилактических мер населения с пленными, избежать настоящей эпидемии. Весной 1813 г., после схода снега и оттаивания земли, по распоряжению управляющего военным министерством А. И. Горчакова, выполнявшего предписание М. И. Кутузова, все непогребенные тела на губернских дорогах были убраны и преданы земле,³⁷ а польские военнопленные в числе 216 чел. высланы из Пскова в Тобольск.³⁸ Это было последнее мероприятие, напоминавшее псковичам о прошедшей у самых ворот губернии разрушительной войне.

Письмо П. И. Шаховского П. Х. Витгенштейну
17 декабря 1812 г.

Генварь 9 в Кенигсберге

Милостивый государь граф Петр Крестьянович!

Сделав привычку сноситься с вами, и имев всегда сердечное удовольствие получать от Вашего Сиятельства приятнейшие извещения, которыми изволили всегда доказывать что труды мои вам известны, и отдавали полную цену оным; ныне удаление ваше приносит мне столько прискорбия и горести, что я лишился сего лестного для души моей услаждения, то я не в силах описать вам оное мой благодетель.

Но быв уверен что Ваше Сиятельство милостивы ко мне и к Псковской губернии, не могу умолчать пред вами и не представить // настоящее жалостливое сей губернии положение:

Вам известно что вынесла Псковская губерния с начала войны и по сие время, самые опасныя дни будучи окружена неприятелем и избавлена вами наш почтенный защитник, изволили быть свидетелем, с каким усердием и деятельностью, при неусыпных распоряжениях моих, доставила она войскам все потребности, и до ныне сие исполняет.

Множество тысяч подвод, выехав за границу губернии, и поныне в дома свои невозвратились и неизвестно где находятся, потом не малотысячные транспорты с хлебом и теперь отправляются, кроме подвижного магазейна за Себежем установленного, и при всем оном во всех уездах открылись болезни так что целыми селениями народ лежит, и день от дня сие умножается, кроме лазаретов, коими губерния мне вверенная наполнена. //

В столь плачевном положении губернии, которая способствовала много как сами знать изволите в настоящей войне, начальствуя над оною и неся вместе с нею все тягости, решился всепокорнейшее просить Ваше Сиятельство неоставить нас в таковом положении, и как сверх всего онаго по нынешнему набору рекрут Псковская губерния неизъята, и должна нести сию повинность наравне с другими, при столь бедственном своем состоянии, имея много народу еще за границей, много в подводах, и множество еще больных, а при том отправляет и прочие обязанности, то неоставте оную милостивым вашим представительством, и буде можно исхodataйствовать о избавлении ее на сей раз от поставки рекрут нынешнего набора, ибо истинно нет возможности, о чем я имел щастие представить // рапорт мой Государю Императору, который в Петербурге Его Величество уже не застал, за отбытием в Вильну.

Избавив нас от неприятеля, спасите Ваше Сиятельство губернию и от предстоящего истощения, дабы она и впредь могла быть в состоянии оказывать таковые же услуги как и ныне Государю и Отечеству, благоволите представить о том всемилостивейшему Государю нашему который конечно усмотрев чрез то справедливое желание мое к сохранению вверенной мне губернии, помилует народ свой, а вместе с тем посредством милостивого ходатайства вашего удостоит высочайшего своего воззрения и мои труды по службе Вашему Сиятельству известные.

Льстя себя надеждою в получении благосклонного ответа вашего, с совершенным почтением и неколебимою преданностью навсегда пребыть честь имею

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
князь П. Шаховской

Псков

Декабря 17 дня 1812 года

На левом поле последнего листа запись: «о избавлении Псковскую губернию от рекрутства донесено Светлейшему Князю Кутузову Смоленскому от 14го Генваря 813го»

РГВИА, Ф. 103, Оп. 208/в, Св. 45, Д. С, 2, Лл. 26-27об. Подлинник.

Примечания

- 1 Псковский край в истории России. Псков. 2001. С. 84-91.
- 2 Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 82.
- 3 ГАПО, Ф. 20, Оп. 1, Д. 357.
- 4 Некоторый интерес в этом и других делах ГАПО представляют документы, связанные со «службой в ополчении» двоюродных дядей А. С. Пушкина – Петра и Павла Исааковичей Ганнибалов.
- 5 ГАПО, Ф. 20, Оп. 1, Д. 352, Лл. 13-13об.
- 6 Там же, Лл. 43-43об.
- 7 Там же, Лл. 50-50об., 51-51об., 88-88об.
- 8 Там же, Лл. 147-147об.
- 9 Там же, Д. 353, Лл. 2-3об.
- 10 Там же, Лл. 5-5об.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же, Лл. 18-20об.
- 14 Там же, Лл. 47-80.
- 15 Там же, Л. 76.
- 16 Там же, Д. 354, Лл. 1-3об.
- 17 Там же, Лл. 21-21об.
- 18 Там же, Лл. 71-73об.
- 19 Там же, Лл. 97-97а.
- 20 Там же, Л. 136.
- 21 Там же, Лл. 141-141об.
- 22 Там же, Лл. 158-158об.
- 23 Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Псков. 1970. С. 71. В современной публикации документов о Псковской губернии в 1812 г. приведен документ, озаглавленный как «Ведомость о количестве обывательских подвод, отправленных из г. Пскова с 19 июля по 27 октября 1812 г.». В нем обозначено 1417 выставленных подвод (Губернский Псков в архивных документах: сборник документов Государственного архива Псковской области. Псков. 2010. С. 103-104). Заголовок документа – подлинный - может создать ошибочное впечатление, будто это все подводы, поставленные в 1812 г. губернией или уездом. Однако это ведомость подвод, отправленных только Псковским гарнизонным батальоном. Об этом свидетельствует рапорт начальника батальона майора Элдерна, опущенный при публикации ведомости, к которому и приложена сама ведомость (см.: ГАПО, Ф. 20, Оп. 1, Д. 354, Л. 181).
- 24 ГАПО, Ф. 20, Оп. 1, Д. 378.
- 25 Там же, Д. 368, Лл. 53-54об.
- 26 Там же, Д. 378, Лл. 48-166.
- 27 Там же, Д. 334, Лл. 340, 346.
- 28 РГВИА, Ф. 103. Оп. 208/в, Св. 45, Д. С, 2, Л. 26об.
- 29 ГАПО, Ф. 20, Оп. 1, Д. 391, Лл. 7-7об.
- 30 Там же, Лл. 9-9об.
- 31 Там же, Лл. 20-20об.
- 32 Там же, Лл. 26-26об.
- 33 Там же, Лл. 32-32об.
- 34 Там же, Л. 33.
- 35 Там же, Лл. 41-42об.
- 36 Там же, Д. 390, Л. 67.
- 37 Там же, Д. 390, Л. 15.
- 38 Там же, Д. 464, Л. 1.